

И продолжалъ:—Слѣдственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

—Боже мой!—произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще мину- та—и я бы упалъ къ ногамъ ея.

—Итакъ, вы сами видите,—сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ при- нужденной уемѣшкой:—вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы рас- казались. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разу- вѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь—вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоря- юсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?.. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.

—Я васъ ненавижу... сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Черезъ часъ курьерская тройка мчала ме- ня изъ Кисловодска. За нѣсколько верстъ отъ Есентуковъ, я узналъ близъ дороги трушъ моего лихого коня; сѣдло было снято, вѣроятно, пробѣжимъ казакомъ и, вмѣсто сѣдла, на спинѣ его сидѣли два ворона. Я вздохнулъ и отвернулся...

И теперь здѣсь, въ этой скучной крѣ- пости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, сравниваю себя: отчего я не хотѣлъ сту- пить на этотъ путь, открытый мнѣ судь- бою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?.. Нѣтъ, я бы не ужил- ся съ этой долею! Я, какъ матросъ, ро- жденный и выросшій на палубѣ разбойничья- го брига: его душа сжилась съ бурями и битвами и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣ- нистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ одно- образному ропоту набѣгающихъ волъ и всматривается въ туманную даль: не мель- кнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣлю- щей синюю, пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющій- ся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

### III.

### ФАТАЛИСТЪ.

Мнѣ какъ-то разъ случилось прожить двѣ недѣли въ казачьей станицѣ на лѣвомъ флангѣ; тутъ же стоялъ батальонъ пѣхоты; офицеры собирались другъ у друга пооче- редно, по вечерамъ играли въ карты.

Однажды, наскучивъ бостономъ и бросивъ карты подъ столъ, мы засидѣлись у майора С\*\*\* очень долго; разговоръ, противъ обык- новенія, былъ занимателенъ. Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, на- ходитъ и между нами многихъ поклонни- ковъ; каждый разсказывалъ разные необык- новенные случаи pro или contra.

—Все это, господа, ничего не доказыва- етъ,—сказалъ старый майоръ,—вѣдь никто изъ васъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ стран- ныхъ случаевъ, которыми вы подтверждаете свои мнѣнія?

—Конечно, никто,—сказали многие:— но мы слышали отъ вѣрныхъ людей...

—Все это вздоръ!—сказалъ кто то,— гдѣ эти вѣрные люди, видѣвшіе списокъ, на которомъ назначенъ часъ нашей смерти?.. И если точно есть предопредѣленіе, то за- чѣмъ же намъ дана воля, разсудокъ? По- чему мы должны давать отчетъ въ нашихъ поступкахъ?

Въ это время одинъ офицеръ, сидѣвшій въ углу комнаты, всталъ и, медленно по- дойдя къ столу, окинулъ всѣхъ спокойнымъ и торжественнымъ взглядомъ. Онъ былъ ро- домъ сербъ, какъ видно было изъ его имени.

Наружность поручика Вулича отвѣчала вполне его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, чер- ные пронизательные глаза, большой, но правильный носъ—принадлежность его на- ции, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его,—все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, неспособнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми, чьихъ судьба дала ему въ товарищи.

Онъ былъ храбръ, говорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душев- ныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти во- все не пилъ; за молодыми казачками—ко- торыхъ прелесть трудно постигнуть, не ви- давъ ихъ—онъ никогда не волючился. Го- ворили, однако, что жена полковника была равнодушна къ его выразительнымъ гла- замъ; но онъ не шутя сердился, когда объ этомъ намекали.

Была только одна страсть, которой онъ не таилъ—страсть къ игрѣ. За зеленымъ